

„ЭТО ЧЕРНАЯ МУЗЫКА

К 110-летию со дня рождения поэта

БЛОКА...

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Это звон бубенцов издадека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

Георгий Иванов.

УТРЕННИЕ, до ужаса острые мысли, среди глубины отчаянья и гибели. Научиться читать «Двенадцать». Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...».

Так записывал Александр Блок в дневнике 17 января 1921 года. Известно, что «Двенадцать» он никогда не читал, не умел этого делать или не мог.

Всего три года назад в статье «Интеллигенция и Революция» Блок утверждал:

«Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

18 апреля 1921 года Блок записывает в дневнике: «Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не новая), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы».

Блок подразумевает здесь автобиографическую повесть Данте «Vita nuova» (в стихах и прозе) — «Жизнь новая», «Новая жизнь». Это жизнь, вновь рожденная, заново сотворенная — любовью и верой; это второе рождение, возрождение, символ обновления.

В этом дантовском смысле Блок в итоге не почувствовал новой ту жизнь, которая со всех плакатов, лозунгов и газет кричала о себе, что она новая. Поэт, «уходя в ночную тьму», не увидел родившимся тот новый мир, о котором он мечтал, который звал, который даже, казалось бы, встретил. В феврале 1921 года в стихотворении «Пушкинскому Дому», в своем прощальном поклоне, Блок вспомнил и окончательно подтвердил:

Наши страстные печали,
Над таинственной Невой,
Как мы черный день
встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века!

В том же феврале 1921 года Блок записывает в дневнике: «Следующий сборник стихов, если будет: «Черный день».

К. И. Чуковский свидетельствует, что Блок ощущал именно современность своего сборника стихов «Седое утро», составленного из предреволюционных стихов и вышедшего в 1920 году. Блок ничего не делал случайно в своих книгах. «Седое утро» открывается стихотворением «Голос из хора», одним из мрачайших у Блока:

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

И завершается «Седое утро» стихотворением «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» (впервые опубликовано в этой книге). Там есть строки:

Вот — свершилось,
весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк,
И тому, кто не понял
вещания звезд,
Нестерпим окружающий
мрак.

Написано в июне 1916 года и только в 1920 году обнаружено, как бы произнесено вслух...

Блок связывал свою философию и поэзию, как он сам подчеркивал, «с трагическим мироощущением», которое, по убеждению поэта, кодно способно дать ключ к пониманию сложности мира».

Блок полагал, что когда в истории сталкиваются две силы, то побеждает в итоге не одна из них, а какая-то третья, вначале неизвестная, скрытая, как когда-то, в первые европейские века нашей эры, явилось и в конце концов стало господствующим христианство.

Блок не признал победителями тех, кто возгласил всюду о своей победе. Поэт говорил о том, что на нас, несмотря ни на что, идет какая-то третья сила, третий «звук», совершенно новый мир, пока еще никому не видный и не слышимый. Так не видят в поэме «Двенадцать» ее герои, куда идут и что впереди...

И выюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

В «ЗАПИСКЕ О «ДВЕНАДЦАТИ» Блок признает: «...в январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914» (Блок сопоставляет «Двенадцать», «Снежную маску», «Кармен»). И дальше: «Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)».

В январе 1918 года — в пору создания «революционной трилогии» («Интеллигенция и Революция», «Двенадцать», «Скифы») — Блок был певцом бури, в которой рождается новый мир. Но затем у него появляются иные, разочаровывающие наблюдения над реальностью.

В июне 1919 года, уже после некоторого опыта сотрудничества с победителями, Блок записывает в дневнике: «Чего нельзя отнять у большевиков — это их исключительной способности травлять быт и уничтожать отдельных людей. Не знаю, плохо это или не особенно. Это — факт».

Блок записал в «Двенадцати» звуковые факты эпохи, мгновенные голоса, которые потом легли на все столетие, стали рефренами, рифмами времени: ...шар! ...впар!

То, что было схвачено в поэме музыкально, становится предметом углубленных раздумий Блока в оставшиеся ему годы. В январе 1918 года Блок был захвачен и потрясен «революционным циклоном»: «...моря природы, жизни и искусства разбушевались, бризги встали радугой над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»...». Но когда «радуга» исчезла, предстал трагический мир, который вызывал потребность осмыслить переворот, почувствовать будущее.

В августе 1920 года в речи «Владимир Соловьев и наши дни» Блок предсказывает: «Нам предстоит много неожиданного; предстоят события, ставящие крест на жизни и мироощущениях дальновиднейших людей, что происходило уже в ближайшие к нам годы не однажды».

За год до этих слов, в августе 1919 года, Блок высказывался без всяких иллюзий: «...мы работаем для России прежде всего, а европейская цивилизация в России никогда не привьется и даже будет встречать такое сопротивление и такую вражду, что всем, кто не может или не должен отказаться от нее, при-

дется рано или поздно погибнуть, или покинуть Россию».

Поразительно, сколь давно и сколь точно Блок предсказал трагические судьбы русской интеллигенции... Для себя он сделал выбор. И рано понял, что «никто не придет назад».

Зная, что прежней России и прежней Европы уже не будет, Блок в мае 1918 года так видел будущее России и Европы: «То и другое явится, может быть, в удивительном ужасе, так что жить станет нестерпимо. Но того рода ужаса, который был, уже не будет. Мир вступил в новую эру».

В январе 1918 года в статье-манифесте «Интеллигенция и Революция» Блок звал: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». И он действительно слушал, вслушивался.

Уже тогда, испытывая «упоение в бою и бездны мрачной на краю», страстно переживая грозное величие эпохи и напоминая слова другого поэта: «Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые...», — Блок предупреждал: «Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный бурян, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу неведимыми недостойных...».

Придет время, Блок сам увидит, до чего же прав он был в своих предчувствиях и предупреждениях. Пока же он настаивает, говоря о жестоких обманах революции: «...но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о великом».

В статье «Интеллигенция и Революция» поэт безоглядно утверждал: «Не дело художника — смотреть за тем, как исполняется задуманное, пещься о том, исполнится оно или нет».

Однако совесть художника, совесть человека и гражданина заставили Блока сразу же начать терзаться мыслью, исполняется ли задуманное, воплощается ли мечта, которой отдана жизнь, какие будут следствия для будущего, для ближайших уже потомков из всего того, «что мы наделали».

В мае 1921 года Блок, например, записывает в дневнике: «В Москве зверски выбрасывают из квартиры массу жильцов — интеллигенции, музыкантов, врачей и т. д.». А ведь это только одно из десятков, сотен подобных наблюдений!

И жизнь должна была дать достаточно серьезные основания, чтобы в одном из черновых набросков 1921 года (к рассказу «Ни сны, ни явь») Блок сокрушенно признался: «Говорят, писатель должен все понять и сейчас же все ясно объяснить. А я в 40 лет понимаю меньше, чем в 20, каждый день думаю разное, и жить хочу, и уснуть, и голова болит от этой всемирной заварушки».

Конечно, «в этой всемирной заварушке» поэт многое понял к концу своей краткой жизни. Поздняя блоковская проза выразительно свидетельствует именно о понимании происходящего. Притом, понимании обостренном, углубляющемся от года к году, от месяца к месяцу.

В революционную эпоху и каждый день, каждый месяц мог стать событием в осознании поэта. Когда внимательно читаешь подряд стихи, прозу, дневники, записные книжки, письма Блока этих лет, приходишь к неожиданному для большинства читателей выводу, что эти-то годы и были главным подвигом поэта, что в духовном смысле время после написания «Двенадцати» и «Скифов» стало вершиной, итогом пути Блока.

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, что после «Двенадцати» Блок замолчал, что стихи он почти перестал писать, ибо от него ушла «музыка», он перестал слышать божественный «звук». Но молчание гения всегда полно глубочайшего смысла. Кроме того, Блок — прозаик, публицист, критик, мыслитель — оставил нам именно в эти годы наследие, которое читается как выстраданное завещание русского поэта грядущим поколениям. Эти страницы написаны словно бы от лица всей русской культуры. Такова предсмертная нота «музыки Блока».

В сентябре 1920 года Блок записывает в альбом автографов издателя «Алконоста» С. М. Алянского: «Вы хотите стихов. В стихах я мог бы сейчас только смеяться и, может быть, плакать. Но я не хочу смеяться над тем, что не смешно, и плакать над тем, что грозно. Поэтому прошу Вас принять вновь и вновь только прозу».

В трудном 1919 году, говорил Блок, «чувствовалась большая усталость, тогда заметна стала убыль творческого хмеля, той музыки, которая звучала в конце 1917-го и в первой половине 1918 года». Эта убыль стала еще заметнее для Блока в 1920-м и в 1921 годах.

Еще в мае 1918 года в неотосланном письме к З. Н. Гиппиус, говоря о том, что «великий октябрь» «разрубил» старые тугие узлы, Блок добавлял: «Это не значит, что жизнь не напугает сейчас же новых узлов; она их уже напугивает, только это будет уже не те узлы, а другие». Вот эти новые узлы стали напугиваться — месяц за месяцем, год за годом. Историки должны конкретизировать, что и как влияло на умонастроения Блока.

Блок видел повсеместное «крушение гуманизма», но первоначально верил, что в горниле мирового переворота родится «человек-артист». Думается, вера поэта прошла тяжкие испытания. И все настойчивее в прозе Блока с годами становится тревожная нота необходимости спасать традиционные нравственные, духовные ценности «старого гуманизма».

В октябре 1919 года во вступлении к постановке трагедии Шекспира «Дон Карлос» Блок излагает содержание пьесы столь публицистично, что невольно соотносишь этический пафос поэта не с далеким прошлым, а с нашей эпохой, когда поистине центральной фигурой стал невидимый глазу провокатор, сыщик, шпион, который «не человек и не зверь, он — хуже зверя, он — предатель». Обращаясь к зрителям-современникам, Блок говорит:

«Вдумайтесь в то, что вы сейчас увидите. Легко ли, сладко ли жить той волчьей стае, которая осталась царствовать на земле после того, как погубила все доброе?»

Нет, такая жизнь — не жизнь. Легче таким людям, как эти

жестокое и залитые кровью сыщики, удавиться, чем жить на свете. Ложь и зло сами себя губят, за всякое злое деяние человек рано или поздно получит возмездие.

Рядом с этим злом и ложью — каким радостным светом сияют добро и правда! Разве не счастливее и не полнее была каждая минута короткой жизни этих юношей, проданных и замученных негодьями? Взгляните, какая у них легкая походка, как горят их глаза, как пламенны их речи?

Жалко смотреть на этих ползучих гадов рядом с ними. Они шпигат, не смея поднять головы. Жизнь им не в радость, а в позор и в муку. Нет сил освободиться от грызущей и сосущей сердце муки тому человеку, который окружил себя такими гадами — хотя бы он владел при этом всем миром».

Нельзя не почувствовать современности, актуальности, не ретроспективный адрес этой гневной проповеди Блока в Петрограде 1919 года...

Традиционные этические принципы защищает Блок в своем отзыве на пьесу И. Штейнберга «Путь крестный» (из эпохи русской революции 1917 — 1918 годов). Краткая блоковская рецензия устанавливает несовместимость гуманистической этики и реальной практики революции. Блок отмечает, что в пьесе «содержится большая и острая моральная правда», и излагает ее, подчеркивая важнейшие моменты:

«Говоря словами автора, «революция дала нам новые законы, свои законы», которые помогают «одолевать мысль» о «вечных и простых законах правды и справедливости». Она помогла преодолевать их и герою драмы, интеллигенту Александру Ивановичу, в ту пору, когда он был комиссаром. Конечно, нужны были нечеловеческие силы для того, чтобы подвергнуть аресту недавних друзей, не отвечать на требования семьи, требовать, чтобы его «не расхаживали», «чтобы не было печальных лиц кругом, соглашаться идти с народом хотя бы путем крови и стонов».

Понемногу... герою начинают приходиться в голубя уже «оправдания»: насилие — «временное, неизбежное» (к концу II акта)... «было только трое убитых»... Слова «черная работа революции» получают символический смысл».

На одной странице Блок протокльно зафиксировал «большую и острую моральную правду» о поправии «вечных и простых законов правды и справедливости», и мы видим, что Блок обрисовал нравственную коллизию, которая стоит в центре нашей эпохи. В сущности, здесь вся суть революционаризма, тоталитаризма, сталинизма. Здесь — в первоисточке — все двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые... Здесь пролог всего ГУЛАГа, большого террора, всей войны с народом, которая началась на глазах Блока.

Это не значит, что Блок отвергает революцию и вообще не принимает революционного насилия. В марте 1920 года в примечаниях к повести Лермонтова «Вадим» Блок напоминает, что «Лермонтов, как свойственно большому художнику, относится к революции без всякой излишней чувствительности, не закрывает глаз на ее темные стороны, видит в ней историческую необходимость». И далее: «...ни из чего не видно, чтобы отдельные преступления заставляли его забыть об историческом смысле революции: признак высокой культуры».

Такой культурой обладал Блок. Но он чутко внимал процессам, которые шли в революции, вслушивался, всматривался в ее развитие. Эта важная тема

(Начало. Окончание на 4-й стр.)